
Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке

© 2020 г. Н.В. Бряник

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, 620000, пр. Ленина, д. 51.

E-mail: vastas07@mail.ru

Поступила 31.08.2018

В эпистемологии закон преимущественно рассматривается в общем виде. В статье предпринята попытка обосновать, что на стадии неклассической науки сформировалась установка на открытие *структурных* законов во всех ее областях. Эмпирической базой статьи является анализ структурного закона, данный самими учеными – А. Эйнштейном, Н. Бурбаки, Ф. де Соссюром, В. Шкловским, В. Проппом, К. Леви-Строссом и др., а также оценки методологов структурализма (Р. Барта, Ж. Делёза и др.). В первые десятилетия XX в. исследователи (в физике, математике, лингвистике, литературоведении) приходят к выводу, что именно законы статики/синхронии/стабильности позволяют раскрыть внутренний мир исследуемых объектов, их относительную автономию. Поиск структурных законов связан с процедурами деконструкции исходных объектов и их моделирования в виде языковых систем. Формальный и знаковый характер элементов, структурность как порядок их отношений позволяют выйти на теоретический уровень исследования, связанный с открытием структурных законов.

Ключевые слова: эпистемология, структурный закон, неклассическая наука, А. Эйнштейн, Н. Бурбаки, Ф. де Соссюр, В. Шкловский, В. Пропп, Ж. Делёз, методология структурализма, система, структура, элемент, знак, теоретический уровень.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-74-84

Цитирование: Бряник Н.В. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 74-84.

The Concept of Structural Law and the Methodology of Structuralism in Non-classic Science

© 2020 г. Nadezda V. Bryanik

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenina str, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation.

E-mail: vastas07@mail.ru

Received 31.08.2018

In epistemology the law is mainly considered in general as a particular form of the scientific knowledge. In the paper an attempt is undertaken to substantiate that at the stage of non-classic science the aim at the discovery of the structural laws in all its fields was formed. The analysis of the structural law given by the scientists such as A. Einstein, N. Bourbaki, F. de Saussure, V. Shklovsky, V. Propp, K. Levi-Strauss and others and also the estimates of structuralism methodologists (R. Bart, G. Deleuze and others) is the empirical basis of the paper. In the first decades of the 20th century researchers (in physics, mathematics, linguistics, study of literature and other sciences) come to the conclusion that just the laws of statics/synchronism/stability allow to reveal the internal world of the investigative subjects, their relative autonomy. The search of the structural laws is connected with the procedures of deconstruction of the initial subjects and their modelling/constructing in the linguistic system's form. Formal and sign character of elements, structure as the order of their relations allow to reach a theoretical level of the investigation, the discovery of the structural laws confirms this.

Keywords: epistemology, the structural law, the non-classical science, A. Einstein, N. Bourbaki, F. de Saussure, V. Shklovsky, V. Propp, G. Deleuze, the methodology of structuralism, system, structure, element, sign, the theoretical level.

DOI: 10.211460042-8744-2020-1-74-84

Citation: Bryanik, Nadezda (2020) "The Concept of Structural Law and the Methodology of Structuralism in Non-classic Science", *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 74–84.

В эпистемологии все большее признание получает идея о том, что наука *современного типа*, зародившаяся в Новое время, проходит в своем развитии три стадии – классическую, неклассическую и пост-неклассическую. Критерием (и своего рода «краеугольным камнем») этой науки, с одной стороны, объединяющим названные стадии в один *тип* (современной науки), а с другой – позволяющим различать указанные стадии, является эксперимент, который может быть не только натурным, но и мысленным. Главное отличие «неклассического эксперимента» от «классического» – это принципиальная неустраиваемость влияния субъекта исследования на его результаты. *Неклассическая стадия современной науки* формируется в промежутке между 30-ми гг. XIX в. и 50-ми гг. XX в. Творцы неклассической науки разработали, независимо друг от друга, по сути, сходное представление о том, что собой представляют законы данной стадии науки. Это стихийно сложившееся общее представление можно квалифицировать как *концепцию структурного закона*. Философия науки, сфокусированная на рассмотрении неклассического закона, предстает как *методология структурализма*.

Структурализм стал значимым объектом критического исследования отечественных мыслителей с начала 70-х гг. XX столетия. Оценивая с позиций сегодняшнего дня

эти исследования, нельзя не назвать имена Ю.П. Сенокосова, М.Н. Грецкого, Т.А. Сахаровой и др., работы которых не только знакомили с идеями зарубежных представителей данного течения, но и давали оценку места и роли структурализма в *историко-философском* процессе. Некоторые исследователи рассматривали возможности приложения структуралистских идей в отдельных областях науки: так, например, О.Б. Скородумова, Г.А. Кирсанов, В.С. Черняк конкретизировали структуралистские идеи в философии математики. Для нашей статьи особый интерес представляет монография Н.С. Автономовой [Автономова 1977], поскольку в ней помимо историко-философского анализа французского структурализма рассматривается *эпистемологическая* проблема обоснования знания в контексте языка.

Цель данной статьи – выявить инвариантные признаки закона неклассической науки, сложившиеся в основных ее подсистемах (математических, естественных и социально-гуманитарных), и представить их в виде целостной концепции.

Начнем с *факта признания структурных законов*.

О принципиально новом виде законов, связанных с открытием теории относительности (ТО), заявляет А. Эйнштейн в статье «Что такое теория относительности» (1919 г.). Он говорит о том, что в ТО «старые законы», законы механики, не работают, они «несправедливы», поскольку были открыты для *вещества* как единственного вида реальности, известного классической науке. По его оценке, когда «...в физике появилось новое понятие, самое важное достижение со времен Ньютона: поле» [Эйнштейн 1965, 317], то возникла необходимость пересмотреть природу закона. Переходя от ТО к физике в целом, Эйнштейн заключает: «Уравнения тяготения имеют форму структурных законов, форму, которая требуется от всех физических законов со времени великих достижений теории поля» [Там же, 314]. Законы «новой физики» будут «справедливыми», если это будут *структурные* законы. От «новой физики» он переходит к обобщению, когда утверждает: «...можно было бы создать основы новой философии. Ее конечная цель состояла бы в объяснении всех событий в природе структурными законами, справедливыми всегда и всюду» [Там же, 316–317].

Если обратиться к *гуманитарным наукам*, то в первые десятилетия XX в. в этой области также приходят к открытию структурных законов. Обратимся к идеям В.Я. Проппа, исследования которого в области фольклора лежали у истоков методологии структурализма. Пропп, размышляя над тем, почему спустя десятилетия его совершенно конкретные исследования в области литературоведения стали предметом широкого обсуждения, приходит к выводу: «В области точных наук были сделаны ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых, точных... методов исследования. Стремление к применению точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структурная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них – теоретическая поэтика» [Пропп 1983, 566]. Пропп дает философское объяснение, каким образом ему удалось в соответствии со строгими критериями научности провести исследование в области гуманитарного знания: «Венец всякой науки есть раскрытие закономерностей. <...> Я увидел закон... на одном из видов народной сказки. Но мне показалось уже тогда, что раскрытие этого закона может иметь и более широкое значение... Мысль эта... в настоящее время лежит в основе поисков точных методов в области гуманитарных наук... Здесь одна из причин, почему структуралисты меня поддерживали» [Там же, 567–568]. Пропп утверждает возможность использования в гуманитарных науках методов, позволяющих раскрыть в них законы того же уровня, которые присуще природе.

В первой половине XX столетия и в области *математических наук* происходили столь существенные изменения, что известная группа *Никола Бурбаки* отделила этот этап, связанный с *аксиоматизацией* математики, от предыдущего, который математики, объединенные в группу, назвали «классической математикой». О радикальности изменений можно судить по такой их оценке: «Концепция, которую мы... пытались изложить, возникла... в результате более чем полувекковой эволюции и была встречена

не без сопротивления как со стороны философов, так и со стороны математиков» [Бурбаки 2010, 257]. Что касается существа произошедших изменений, то его можно охарактеризовать как выход на методологию структурализма: «...в своей аксиоматической форме математика представляется скоплением... математических структур, и оказывается... что некоторые аспекты экспериментальной действительности... укладываются в некоторые из этих форм» [Там же, 258–259]. Поскольку аксиоматизированная через структуры математика способна выражать законы реального мира, то можно считать, что на новой стадии именно «"структуры" являются орудиями математика» [Там же, 253].

В приведенной ранее цитате Проппа в качестве образца приводится лингвистика. Истоки неклассической лингвистики были заложены Ф. де Соссюром. В «Курсе общей лингвистики» (1916 г.) он противопоставляет свое новое понимание этой области знания предшествующим этапам, задаваясь вопросом: «...действительно ли факты языка управляются законами и какого рода могут быть эти законы?» [Соссюр 1999, 92]. Де Соссюр исходит из того, что открыть законы лингвистики можно, если представить язык как систему знаков, «...которая подчиняется лишь своему собственному порядку» [Там же, 30] – порядку, который зависит только от составляющих эту систему элементов и правил их взаимоотношений. Радикальность привнесенных де Соссюром изменений в лингвистику потребовала новой терминологии. Полагая, что неклассическая лингвистика является наукой о знаках, подчиняющихся тем же законам, что и другие системы знаков, он дает название этой общей науке, а лингвистику рассматривает как ее часть: «Язык есть система знаков, выражающих понятия... его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. ...можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков... мы назвали бы ее семиологией (от греч. *semeion* «знак»)». Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые открывает семиология, будут применимы и к лингвистике» [Там же, 23–24].

Изложенное позволяет констатировать, что в конце XIX – начале XX вв. в области естественных, математических и социально-гуманитарных наук ведущими становятся исследования, нацеленные на открытие структурных законов.

Контекст открытия структурных законов.

Обозначим рамки, в которых разворачивался поиск законов, отличающий мышление науки современного типа. Так, О. Конт, подытоживая опыт классической науки, обнаруживает сложившееся к началу XIX столетия разделение законов на два класса. «Относительно каждого рода событий, – отмечает он, – в... законах должно... различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по подобию события сосуществующие, или – по преемственности – следующие друг за другом... отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между статической и динамической оценками какого-либо предмета» [Конт 2012, 18]. Он вводит концепт *статических* и *динамических* законов, устанавливая такое различие между ними: первые раскрывают аспект сосуществования (пространственный параметр), вторые – аспект следования (временной параметр). Как основоположник социологии, он и в ней выделяет два класса законов, различая *социальную статику* и *социальную динамику*, которые только в своем единстве позволяют *предвидеть* развитие социума.

Статические и динамические законы принципиально значимы и для концепции Эйнштейна, но они приобретают у него новый смысл. Вот его разъяснения: «Мир событий может быть описан динамически с помощью картины, изменяющейся во времени и набросанной на фоне трехмерного пространства. Но он может быть также описан посредством статической картины, набросанной на фоне четырехмерного пространственно-временного континуума... с точки зрения ТО статическая картина... более объективна» [Эйнштейн 1965, 295]. Согласно Эйнштейну, классическая физика основана на динамических законах, а релятивистская – на статических. И хотя в ТО время учитывается, но в эйнштейновских идеализациях движение предстает как то, *что есть*, а не то, *что изменяется*, – отсюда, правомерность использования понятия статики.

Принципиальные новации в понимании закона, предложенные Эйнштейном, связаны с тем, что он считает разделение физической реальности на два вида (вещество и поле) искусственным и признает поле единственным способом ее существования. В суждениях ученого мы находим: «Ньютонов закон тяготения связывает движение тела здесь и теперь с действием другого тела в то же самое время на далеком расстоянии... Уравнения Максвелла суть структурные законы. Они связывают события, которые происходят теперь и здесь, с событиями, которые происходят немного позднее и в непосредственном соседстве. Они суть законы, описывающие электромагнитное поле. Наши новые гравитационные уравнения суть также структурные законы, описывающие изменения поля тяготения» [Эйнштейн 1965, 313]. Таким образом, структурные (=статические) законы, по Эйнштейну, связаны с электромагнитными и гравитационными полями.

Очерченное смысловое поле характерно и для языкознания. Соссюр почти в то же самое время, что и Эйнштейн, обнаруживает границы, в которых можно исследовать законы лингвистической науки. При этом он также экстраполирует свою методологию на науку в целом: «...в интересах всех... наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать... 1) *ось одновременности*... касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) *ось последовательности*, по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [Соссюр 1999, 81]. Де Соссюр производит подбор понятий для обозначения двух этих осей. Так, для фиксации «внутренней двойственности лингвистики» он использует понятия «статическая» и «эволюционная» лингвистика. Если *статическая* лингвистика изучает «*состояния языка*», то *эволюционная* – последовательность *смены этих состояний*. Подбор адекватных понятий завершается введением оппозиции «*синхрония – диахрония*», которая является базовой для его методологии: «Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции» [Там же, 82]. Он рассматривает противоположность синхронии и диахронии по методам, принципам и законам и считает, что современная ему лингвистика сконцентрировалась на диахронии, тогда как традиционная лингвистика соединяла оба подхода, но при этом полагалась на слабо разработанную историческую лингвистику. Для самого де Соссюра «...синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность» [Там же, 91]. Поэтому *законы* можно обнаружить, анализируя именно *состояния языка* (синхронию), представленные в грамматике, тогда как диахрония раскрывает случайные и второстепенные для языка факторы изменения. Де Соссюр дистанцируется от современной ему эволюционной лингвистики, отмечая, что «...современная лингвистика, едва возникнув, с головой ушла в диахронию» [Там же, 82] и, казалось бы, возвращается к классической лингвистике. Но и традиционный подход не устраивает де Соссюра, потому что основанная на нем классическая лингвистика еще не стала *опытной наукой*: «...традиционная грамматика... нормативна и считает нужным предписывать правила, а не констатировать факты» [Там же, 83]; а ведь именно языковые факты, собираемые с помощью синхронического метода, удостоверяют реальность языковых явлений. Настаивая на том, что «...противоположность двух точек зрения – синхронической и диахронической – совершенно абсолютна и не терпит компромисса» [Там же, 84], собственную позицию он характеризует так: лингвистике «...предстоит вернуться к статической точке зрения *традиционной грамматики*, но уже *понятой в новом духе*, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который... косвенно помогает лучше осознавать состояния языка» [Там же, 83]. Тем самым языковая реальность конструируется при доминанте синхронического метода, подчиняющего себе диахронический. Конструирование изучаемой реальности субъектом – отличительный признак неклассической науки (это и есть мысленный эксперимент), поэтому нацеленность де Соссюра на открытие законов в лингвистической науке на основе указанного метода вписывается в данную стадию.

Что касается ранее рассмотренной *теоретической поэтики*, то Проппу удалось с помощью строгих методов выстроить модель волшебных сказок, которая воспроизводила все *стабильные* элементы сказки, но не включала в себя *переменные* элементы. Спустя четверть века после «Морфологии сказки» он писал: «...стабильные элементы я назвал функциями действующих лиц. Цель исследования состояла в том, чтобы установить, какие функции известны волшебной сказке... посмотреть, в какой последовательности они даются... Оказалось, что функций мало, форм их много, последовательность функций всегда одинакова, т. е. получилась картина удивительной закономерности» [Пропп 1983, 574]. Значит, *законы* можно было открыть, обнаружив *стабильные элементы* сказки и выяснив *порядок их следования* – раскрыв *статику* изучаемого объекта, сознательно отделив их от *меняющихся* от сказки к сказке сюжетов.

Итак, обращение именно к *статике* (*синхронии, стабильности*) в разных областях научного знания и выводит исследователя на уровень *структурных законов*.

Что раскрывают в исследуемых объектах структурные законы?

Своеобразие структуралистского подхода в гуманитарных науках проявилось уже в деятельности так называемой формальной школы в русском литературоведении 10–20-х гг. XX в. Один из лидеров «русских формалистов» В. Шкловский в работе «О теории прозы», пытаясь совершить прорыв в литературоведении, заявляет, что он не желает выяснять «паразитарную зависимость» художественных произведений от внешних по отношению к литературе факторов. Свою задачу он видит в раскрытии в художественных произведениях автономных законов. Один из основателей Пражского лингвистического кружка, Я. Мукаржовский, так оценивает новизну подобного подхода: «Шкловский... защищает принципиальный тезис о том, что свойство, делающее поэтическое произведение художественным творением, сущственно отделяет его от любого коммуникативного высказывания и что именно это свойство должно стать главным предметом и стержнем научного изучения литературы» [Мукаржовский 1975, 28]. Сам Шкловский образно выражает свое видение научного литературоведения так: «Я занимаюсь в теории литературы исследованием внутренних законов ее. Если провести заводскую параллель, то я интересуюсь не положением мирового хлопчатобумажного рынка, не политикой трестов, а только номерами пряжи и способами ее ткать» [Шкловский 1929, 5–6]. Интересен сам замысел – представить литературный процесс как некую *самозамкнутую целостность*, подчиненную его внутренним законам как эстетического объекта.

Этим же руководствуется и де Соссюр при создании структурной лингвистики. С самого начала он заявляет: «Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо... его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики»» [Соссюр 1999, 28]. Постоянно подчеркивая значимость таких «внешне лингвистических» факторов, как культура, этнология, политическая история, диалектная география и проч., он, тем не менее, настаивает на необходимости изучения «внутреннего организма языка», у которого есть некий «собственный порядок».

Структурализм в математике также вырастает из стремления понять ее *внутренний мир*, ведь «...каждый год математическая наука... дает ответвления в виде теорий, которые беспрестанно видоизменяются, перестраиваются, сопоставляются и комбинируются друг с другом» [Бурбаки 2010, 245]. В близкой терминологии ставится *внутренняя* для чистой математики проблема: «...является ли это обширное разрастание развитием крепко сложенного организма... Одним словом, существует в настоящее время одна математика или несколько математик?» [Там же, 246]. При этом не интересуют внешние по отношению к математике вопросы, как то: связаны ли математические теории с действительностью? Обращение к структуралистской методологии в этой области позволило ее творцам прийти к выводу: «...внутренняя эволюция математической науки... упрочила единство ее различных частей и создала своего рода центральное ядро, которое является гораздо более связным целым, чем когда бы то ни было» [Там же, 247].

Один из представителей французского структурализма 60-х гг. Р. Барт в статье «Структурализм как деятельность» [Барт 1989] обнаруживает инвариант в действиях структуралистов, несмотря на различия исследуемых объектов. По сути, он раскрывает технологию одной из разновидностей мысленного эксперимента. Деятельность «структурального человека» включает два акта, а именно, членение (деконструкция) исходного объекта и конструирование модели – *структурного объекта*, который и представляет *внутренние закономерности* исходного.

Пропп также производит деконструкцию волшебных сказок, «очищая» их от конкретных сюжетов, и конструирует модель данного жанра сказок. Сам он об этом пишет так: «Композицией я называю последовательность функций, как это диктуется самой сказкой... одна и та же композиция может лежать в основе многих сюжетов, и наоборот: множество сюжетов имеют в основе одну и ту же композицию. Композиция есть фактор стабильный, сюжет – переменный... совокупность сюжета и композиции можно было бы назвать структурой сказки» [Пропп 1983, 574–575]. Введя особые обозначения для стабильных *элементов*, Пропп смог выразить порядок следования этих функций в виде *знаковой системы*, что, по сути, и являло собой *структурный закон* данного жанра сказок.

Итак, структурные законы, к какой бы области знания они ни принадлежали, моделируют исследуемый объект как некую самозамкнутую целостность.

Но для адекватной оценки роли структурных законов надо раскрыть их соотношение с *историческими законами*. На примере сосюрговской позиции это соотношение было раскрыто, а для выяснения того, насколько оно носит общий характер, сошлемся на представителей более поздних волн структурализма. Приведу позицию Р. Якобсона (20–40-е гг.), у которого есть такое рассуждение: «Литературоведение, центральной частью которого является поэтика, рассматривает, как и лингвистика, два ряда проблем: синхронические и диахронические. <...> Любое современное состояние переживается в его временной динамике; с другой стороны, как в поэтике, так и в лингвистике при историческом подходе нужно рассматривать не только изменения, но и постоянные, статические элементы» [Якобсон 1975, 196–197]. «Семиосфера» Ю.М. Лотмана – яркий пример структуралистских идей 70-х гг., в котором можно найти обобщения такого рода: «Представление о том, что мы можем дать статическое описание, а затем придать ему движение, – ...дурная абстракция. Статическое состояние – это частная... модель, которая является умозрительным отвлечением от динамической структуры, представляющей единственную реальность» [Лотман 2000, 25]. Источник динамизма культурных систем он видит в их незамкнутости.

Что собой представляет система в структуралистской методологии.

Поскольку структурные законы раскрывают внутренний и самодостаточный мир, то моделью исследуемого объекта становится *система*. Когда классическая наука к середине XVIII столетия отказалась от сверхъестественных факторов в объяснении различных явлений и стала полагаться на естественные факторы, понятие системы по сути и вошло в науку.

Но системное видение объектов классической науки существенно отличается от системного подхода неклассической науки. Если в *классической науке* такой подход был средством, позволяющим составлять таблицы и классификации, что оценивается как *эмпирический* уровень исследования, то в *неклассической науке* системное видение объектов исследования поднимает их на *теоретический* уровень. Это характерно не только для описательного естествознания, но и для математики, которая, казалось бы, уже изначально является теоретическим знанием. Вот какое отличие неклассической математики от классической отмечают Бурбаки: «...мы более не распознаем здесь традиционный порядок, который, подобно первым классификациям видов животных, ограничивался тем, что расставлял рядом друг с другом теории, представляющие наибольшее внешнее сходство. Вместо точно разграниченных разделов алгебры, анализа, теории чисел и геометрии мы увидим, например, теорию простых чисел по соседству с теорией алгебраических кривых или евклидову геометрию рядом с интегральными уравнениями,

и упорядочивающим принципом будет концепция иерархии структур» [Бурбаки 2010, 254–255]. Что касается гуманитаристики, то, например, *теоретическая поэтика* оказалась возможной при «*понимании искусства как некоей знаковой системы*» [Пропп 1983, 566], и это позволило использовать «прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений» [Там же, 566].

В структуралистской методологии есть принципиальное сходство в трактовке сконструированного объекта – от математических до гуманитарных наук. Начнем с *определения структуры*, данное в «Архитектуре математики», где ставится вопрос о том, «что надо понимать в общем случае под *математической структурой*», и дается ответ: общей чертой различных понятий, объединенных этим родовым названием, является то, что они применимы к множеству элементов, природа которых не определена. Чтобы определить структуру, задают одно или несколько отношений, в которых находится его элементы... затем постулируют, что данное отношение или данные отношения удовлетворяют некоторым условиям» [Бурбаки 2010, 251]. Акцент сделан на том, что структура представляет собой *отношения неопределенных элементов*. На этом настаивает и Шкловский, когда утверждает, что «...литературное произведение есть чистая форма, оно есть не вещь, не материал, а отношение материалов» [Шкловский 1929, 226]. Литературное произведение как эстетический объект существует не субстанциально, а реляционно – как отношение.

Обратим внимание и на то, что Шкловский конкретизирует понятие структуры через понятие «форма»: произведение не есть вещь, а есть «чистая форма». Бурбаки связывают «структурализацию» математики с *аксиоматическим методом*, с помощью которого производится *формализация* этой области науки. Поэтому выход исследователей на структурный уровень был поводом для обвинений в *формализме*. Такой ярлык одним из первых был навешан на произведения отечественных литературоведов 10–20-х гг., которые и известны как «русские формалисты». Для методологии структурализма раскрытие структуры в контексте блока категорий, связанных с категорией «форма», является основополагающим. В подтверждение сошлюсь на полемику Леви-Стросса и Проппа. Центральный вопрос их дискуссии заявлен в названии статьи Леви-Стросса «Структура и форма», и он рассуждает так: «Сторонников структурного анализа... нередко обвиняют в формализме. Говорить так – значит, упускать из виду, что формализм – это самостоятельная доктрина, с которой, не отрицая своей преемственности, структурализм все же расходится... *Форма* определяется через свою противоположность инородному ей материалу; *структура* же не обладает отличным от нее содержанием: она и есть содержание в его логически организованном виде» [Леви-Стросс 1983, 400]. Не отрицая преемственности структурализма с формализмом, Леви-Стросс считает, что у формалистов форма противостоит содержанию, тогда как у структуралистов структура включает в себя и содержание, и форму как *логическую упорядоченность самого содержания*.

Отвечая на обвинения в формализме, Пропп раскрывает свое понимание отличия двух этих позиций. Формальное изучение волшебных сказок, по его мнению, заключается в анализе только отдельных сюжетов, «...для формалистов целое есть механический конгломерат из разрозненных частей... Для структуралиста... части рассматриваются и изучаются как элементы целого и в их отношении к целому. Структуралист видит целое, видит систему там, где формалист ее видеть не может» [Пропп 1983, 572].

Оценки, данные Проппом, совпадают с теми, которые мы находим у Бурбаки, когда они пишут: «...в настоящее время математика, менее чем когда-либо, сводится к чисто механической игре с изолированными формулами... она окидывает единым взглядом унифицированные аксиоматикой огромные области, в которых некогда... царил... бесформенный хаос» [Бурбаки 2010, 254].

Если обобщить сравнительные оценки формализма и структурализма, то выходит, что *структурализм* видит *целое* за *частями*, которые предстают в качестве *элементов* целого, а целое держится за счет стабильных отношений между элементами, которые и представляют собой *структуру* системы (в то время как *формализм* трактует целое

не как систему, а как механическую сумму частей, между которыми не сложилось внутренней упорядоченности). Таким образом, традиционным категориям придаются новые смыслы: *целое* трансформируется в *систему*, *части* – в *элементы*, *внутренняя форма* – в *структуру*. В чем своеобразие структуралистской интерпретации взаимосвязи этих новых категорий – системы, структуры и элементов?

Подытоживая опыт структуралистских исследований, Ж. Делёз в статье «По каким критериям узнают структурализм?» дает категориальное описание *структурного* уровня существования. Он приходит к выводу, что *элементы* в их построениях имеют *формальный* характер, поскольку не важна ни их внутренняя, ни внешняя природа. Число их ограничено, а значит, между ними можно установить порядок.

В таком случае, что фиксируют *формальные элементы*? Вся их роль заключена в том *месте*, которое они занимают по отношению к другим элементам. Это принципиальное для неклассических областей знания положение. В «Курсе общей лингвистики» де Соссюра утверждается: «...в языке значимость каждого элемента зависит лишь от его противоположения всем прочим элементам... система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции... Для перехода... от одной синхронии к другой... в языке изменениям подвергаются только отдельные элементы» [Соссюр 1999, 90].

Раскрытие местоположения элементов, их комбинаций противостоит поиску скрытой *сущности* исследуемых объектов. Так, Делёз специально оговаривает, что структура «не имеет общего с *сущностью*» [Делёз 1999, 138]. Следовательно, данную методологию не интересуют ни *природа* элементов, ни *сущность* структуры и системы.

Формальность элементов не единственный существенный для структурализма признак элементов – Делёз говорит также об их *символизме*. Для него структуры являются собой некий «*символический порядок*». Что несет в себе эта характеристика элементов? Он считает, что структуралисты, к какому бы материалу они ни обращались, всюду видят только *языковые структуры*, поэтому исходный критериальный признак структурализма, по Делёзу, «...это открытие... третьего царства: царства символического» [Там же, 135]. Символическому миру он отводит особое место, потому что он не сводим к двум другим – реальному миру и миру образов. Третий по счету не значит третий по значимости. Напротив, Делёз отдает ему приоритет, поясняя, что языковые структуры – это нечто атрибутивное предмету любой науки, но лежащее не на поверхности, а в его глубине.

Важность выделенного Делёзом критерия структурализма подтверждает Лотман. В интерпретации Лотмана культура предстает как языковая структура, которая живет по законам структурного типа объектов: «...можно себе представить культуру как структуру, которая погружена во внешний для нее мир, втягивает этот мир в себя и выбрасывает его переработанным... согласно структуре своего языка» [Лотман 2000, 117–118]. Одна из главных новаций де Соссюра – представление *знаков языка* в качестве *элементов*, несущих в себе одновременно *означающее* и *означаемое*, связь между которыми носит *произвольный* характер. Он утверждает: «...языковой знак произволен. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы» [Соссюр 1999, 71]. Одно из таких следствий – некорректность использования понятия «символ» для языковых систем, так как «...символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен... в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [Там же, 71]. Произвольность знаков языка позволяет конкретизировать их в виде разнообразных означающих и означаемых. Поэтому делёзовский *символизм элементов* надо уточнить как их *знаковость*. И еще одно важное следствие, на которое обращает внимание де Соссюр: «Лингвист... работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоего рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*» [Там же, 113]. Ведь *значение* возникает из *отношения* означающего к означаемому, а это и придает элементам формальность.

Если акцент на *формальности* элементов позволяет выявить порядок их связи, то сдвиг внимания на *знаковость* элементов позволяет увидеть в каждом из них потенциальное множество закодированных реалий (счастливый конец, которым неизбежно

заканчиваются волшебные сказки, в каждой из них имеет свое проявление; открытые Бурбаки три типа математических структур концентрируют в себе все многообразие математических теорий и т. д.). Знаковый характер элементов – показатель их способности мультиплицироваться.

Итак, в неклассической науке исследуемый объект моделируется в виде *языковой системы, элементы которой 1) обладают признаками формальности и знаковости, а 2) отношения порядка между ними представляют структурные законы.*

Об одном философском вопросе структуралистской методологии.

Сторонники данной методологии задаются вопросом о *статусе структурного уровня существования объектов.* Поскольку структурный объект конструируется исследователем, то способ его существования отождествляют со статусом теории или общих понятий (Пропп). Интересная версия предложена Делёзом: «Возможно, слово “виртуальность” точно обозначит способ существования структуры... так как виртуальное имеет собственную реальность... оно обладает собственной идеальностью... Скажем о структуре: *реальна, не будучи актуальной, и идеальна, не будучи абстрактной...* Извлечь структуру области означает определить целиком виртуальность сосуществования, которая предшествует... объектам... Любая структура является множественностью виртуального сосуществования» [Делёз 1999, 148].

В случае со структурой понятие виртуального существования проясняет более тонкие механизмы, чем простое признание в ней статуса общих понятий или теории. На примере творчества Проппа введение понятия виртуальности не кажется надуманным. Композиция как схема-закон построения волшебных сказок реальна, но впервые появляется только в голове ее открывателя, поэтому она идеальна. Но будучи идеальной, она берет целостность сказки через призму ее постоянных и переменных. Поэтому в виртуальном существовании идеальность – это идеальность не абстрактного, а конкретного. Виртуально существующие структуры погружены во множественность конкретного. Пропп подчеркивал, что за спиной его исследования тысячи обработанных им сказок.

Виртуальность существования, композиционность, способность к мультипликации – эти признаки структуры задают контекст *игровой ситуации.* Игровой момент отмечают многие представители данного направления. У Проппа есть такой ход мысли: «исходя из схемы, можно самому сочинять бесконечное количество сказок, которые все будут строиться по тем же законам, что и народная» [Пропп 1983, 577].

Подводя итог можно отметить: все отрасли неклассической науки нацелены на открытие структурных законов; их открытие связано с осознанием различий между статическим и динамическим аспектами исследуемых объектов; эти законы моделируют внутреннюю целостность исследуемого объекта, конструируя из него языковую систему формальных, знаково-символических элементов, отношения которых являют собой структуру, что позволяет поднять исследования на теоретический уровень.

Источники – Primary Sources in Russian

Барт 1989 – *Барт Р.* Структурализм как деятельность // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 183–187 [Barthes, Roland, Selected Works (Russian translation 1989)].

Бурбаки 2010 – *Бурбаки Н.* Архитектура математики / Н. Бурбаки. Очерки по истории математики. М.: Либроком, 2010. С. 245–259 [Bourbaki, Nicolas, *Éléments d'histoire des mathématiques* (Russian translation 2010)].

Делёз 1999 – *Делёз Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Ж. Делёз. Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. С. 133–175 [Deleuze, Gilles, Marcel Proust et les signes (Russian translation 1999)].

Конт 2012 – *Конт О.* Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М.: Либроком, 2012 [Kont, Auguste, Discours sur l'esprit positif (Russian translation 1910)].

Леви-Стросс 1983 – *Леви-Стросс К.* Структура и форма // Семиотика / Ю.С. Степанов (ред.). М.: Радуга, 1983. С. 400–429 [Levi-Strauss, Claude, *Structure et forme* (Russian translation 1983)].

Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000 [Lotman, Yuri M. *The Semiosphere* (in Russian)].

Мукаржовский 1975 – *Мукаржовский Я.* К чешскому переводу «Теории прозы» Шкловского / Е.Я. Басин, М.Я. Поляков (ред.) Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 27–37 [Mukarzhovsky, Jan (1975) *To the Czech translation of Shklovsky's "The theory of prose"* (Russian translation 1975)].

Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. (Propp, Vladimir, *Morphology of a fairy tale* (in Russian)].

Пропп 1983 – *Пропп В.А.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Семиотика / Ю.С. Степанов (ред.). М.: Радуга, 1983. С. 585–628 [Propp, Vladimir, *Structural and historical study of the fairy tale* (in Russian)].

Соссюр 1999 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999 [Saussure, Ferdinand de, *Cours de linguistique générale* (Russian translation 1999)].

Шкловский 1929 – *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929 [Shklovsky, Victor, *Theory of Prose* (in Russian)].

Эйнштейн 1965 – *Эйнштейн А.* Поле и относительность // А. Эйнштейн. Физика и реальность. М.: Наука, 1965. С. 275–320 [Einstein, Albert, *Field and relativity* (Russian translation 1965)].

Якобсон 1975 – *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / Е.Я. Басин, М.Я. Поляков (ред.) М.: Прогресс, 1975. С. 193–230 [Jacobson, Roman. *Linguistics and Poetics* (Russian translation 1975)].

Ссылки – References in Russian

Автономова 1977 – *Автономова Н.С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977.

References

Avtonomova Natalia S. (1977) *Philosophical Problems of Structural Analysis in Humanities (A Critical Essay on the concepts of French Structuralism)*, Nauka, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

БРЯНИК Надежда Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина.

Author's Information

BRYANIK Nadezda V. – DSc in Philosophy, Professor of Ontology and Theory of Knowledge, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.